

Серж А.

Самый лучший день на свете

Ответный удар

пьесы

Снежинск
2010

Серж А.

- СЗ2 Самый лучший день на свете. Ответный удар. Пьесы. —
Снежинск, 2010 — 64 с. : ил.

Самый лучший день на свете

пьеса

Действующие лица

Автор

Поэт — Пашка

Его друг — художник Генка

Жена Поэта Маша

Охранник Митька

Конкурент — Матвеич

Конкурент Жоры — Васька

Чтец — Лёха

Коммерсант — он же Жорж Баблевич

Гостя Жоры — Лора

Пролог

Автор:

Наш век страстей, великих перемен,
Падения Героев, монументов.
Наш век — вместилище злодеев и подмен
Великих ценностей и век экспериментов,
Великих распрей и больших идей
И, вместе с тем, он — век: столпотворений,
«Китайских рынков», «пирамид», судей,
«Лохов» и «джунглей», и различий мнений.

Весь в недостатках наш чудесный век,
Но, все-таки, живут под небом люди
И крутится по жизни человек!
Ему везет ещё чуть-чуть, покуда.
Вот вам типичный случай и сюжет
Житейских будней одного Поэта,
Ну и Художника. А завершит — момент —
Картина — «Самый лучший день на свете».

Занавес открывается.

Действие первое

Небольшой кабачок. За столиками сидят несколько случайных посетителей. Среди них, за столиком у окна Поэт и Художник. Они беседуют.

Поэт (*смотрит в окно*):

Как пляшет дождь по крыше, веткам лип.
Вон шлепают прохожие по лужам.
И я вот здесь, похоже, сильно влип...

Да, дома жди скандал:
«Где был? С кем пил? У, рожа!
Да лучше б ты совсем не приходил!
Пропал из жизни б!», — этим подытожат.

И в самом деле. Ну, зачем так жить?
Выслушивать ежевечерне бредни?..
Но стар уже. Куда мне уходить?

Художник (*Он друг Поэта*):

Вы в чем-то правы, милый друг Поэт.
От них всё зло известное в природе,
Но я скажу, тихонько, тет-а-тет,
Без них-то хуже, много хуже... вроде.

Суров семейных свар, порой, оскал,
Не приведи попасть под любящую руку.
И, потому, дабы пресечь скандал,
Спасу тебя разочек, для науки.

Скажи в дому, картину я писал.
Тебя среди земфиоров и Пегасов,
А ты сидел, устал, «позировáл»,
Ну, словом, ври, но ври там без прикрасов.
Иначе, брат, нас могут не понять.
За это вломают. Не тебе. Обоим.

Я потерплю. Мне не впервой страдать.
Мы лишь в страданиях души чего-то стоим.
Могу тебе набросок «настрогать».
На нем ты будешь на себя похожим.
Но, трудновато, свет тут плоховат,
Уж больно грустен, да и мрачен вечер...
Да, можешь от меня им передать
Привет. Слова любви сказать.

(обращается к официанту)

Официант! Прошу Вас! Тройку свечек!

(Тот отрицательно машет головой и руками.)

Что? Нет свечей? Куда пришли мы, брат?
Да... Забрели... Как божии овечки!
Здесь нет свечей! И нет пути назад!
Хотел писать Вас я, Поэт! Писать весь вечер!
Чтоб при строках! С пером, как на парад!
Чтоб паволока, будто дым от печки!
Но, не судьба! Какой-то ретроград
Нам помешал... Но... Не испортил встречу.
Прошу Вас, милый друг мой, наливать.
Поскольку всё равно нам делать неча...

Поэт:

Последний тост и отправляюсь в бой.
Меня там ждут. Жена, судьба и дети.
Я фаталист и не борюсь с судьбой.

Приду. Скажу. Что, мол, вот так и так.
И про портрет, про тени под глазами,
И про «зефилов» и... борзых собак.

А про Пегасов и амуров, что летают,
Чего-то лень сегодня измышлять.
И могут не понять. Накостыляют.

Ну, все! Пока, я отправляюсь в ночь!
Продрогнуть, чтобы и хватить «от пуза»
Дождя за шиворот и бурю превозмочь.

Уходит.

К Художнику подходит подвыпивший коммерсант. Он слышал разговор Художника о картине, и эта тема его вдохновила.

Коммерсант:

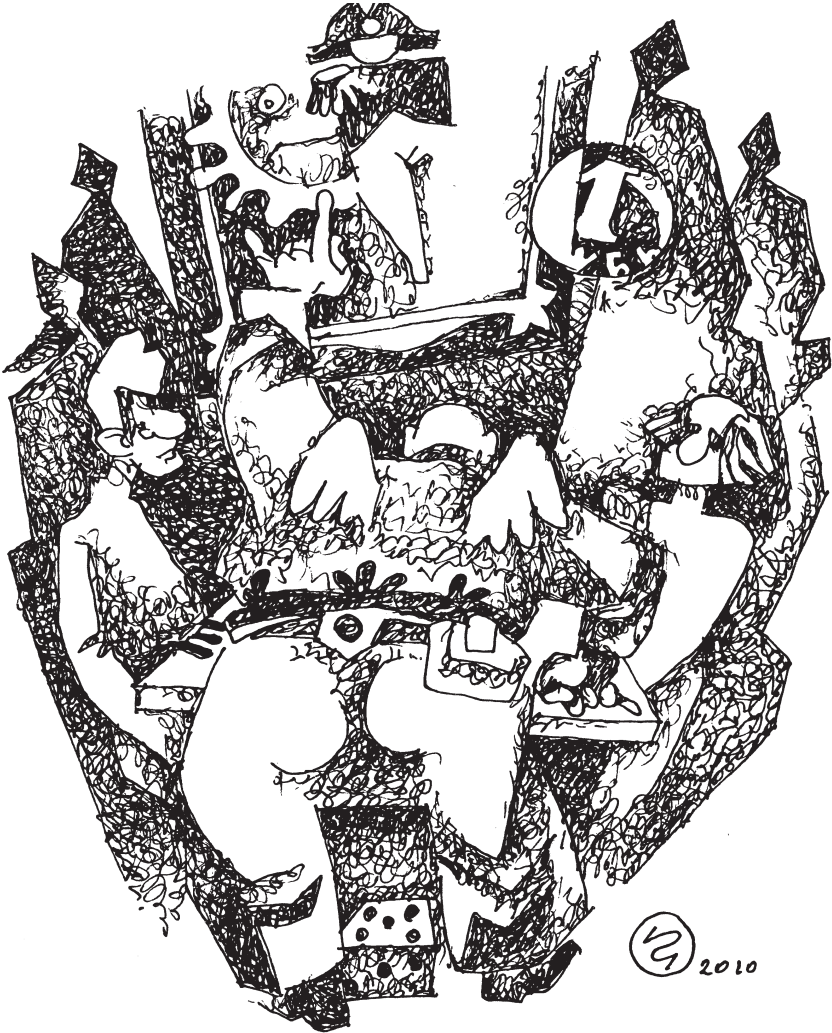
Привет, мужик! Я слышал, ты крутой.
И мажешь ты портреты, как Малевич.
Хотел бы заказать тебе я свой...
За бабки, ясно... Был чтоб чумовой...
Визитка вот... Директор... Ж. Баблевич.

И чтобы рама... Рама чтоб была...
И чтобы скипетр, как водится... Корона...
Меня чтоб на крылах судьба несла!
Судьба... Изображенная драконом.

А у дракона чтобы два крыла.
И хвост с шипами был на светлом фоне.
Короче, брат, чтоб эти все дела:
И мощь, и я — чтобы в «одном флаконе».

И чтобы луч от солнца золотой
Мне путь в полете освещал исправно,
И нимб чтоб был, чтоб ясно, я — святой...
Копье от тёзки, это «само главно».

Внизу картины — бурная река,
По сторонам которой: горы, кручи,

Медведи, тигры, в позах для прыжка,
А на скале чтобы орёл могучий.

Ну и деревьев парочку черкни.
А как без них? Но вместо листьев — баксы.
И то, что осень, тихо намекни,
Разбавь их евро, в тучи — малость ваксы...

Мол, холодает... Кризис... А герой
Летит вперед, копьём своим махает.
Налоги платит... «Крыше ломовой»
И государству кое-что «башляет».

Короче, рыцаря ты мне изобрази —
Коммерции ревнителя и Мэтра
В доспехах. Ясно?! Чтоб змею разил!
На полотне, в багете на шесть метров!..

Два на три — мало!.. Крась во всю стену!..
В каминном зале... Чтобы сердце било!..
Чтобы сюжет!.. Такой!.. На всю страну!..
Как на вокзале!.. Чтобы с ног валило!..

А я за то... В ответ... Не премину!
И отстегну щедрот со страшной силой.

Художник (*истово*):

Да я тебе такой пейзаж загну,
Пардон, для Вас,
Чтоб, зашибись, всё было!

Жорж (*удовлетворенно*):

Ну, по рукам. Замочим наш контакт.
Официант! Сюда коньяк и пиво!
Ну и кальмаров с чипсами, чувак,
И крабовые... Свежего созыва...

Да... Друга, завтра, тоже пригласи.
Пушкой придёт и мне напишет оду,
Чтоб восхищался мною весь народ,
А не считал каким-нибудь уродом.

Ему мою визитку передай.
И тему раскатай ему картины,
Чтоб знал о чем... Да, вот тебе «на чай».
А вот ему — вторая половина...

Ну, а теперь, поехали... Давай!..
И чтобы всё успели к именинам...

«Высокие» договаривающиеся стороны сидят и «квасят».

Автор (*задумчиво*):

Ветшает сцена новых перемен,
Однако, спесь, увы, не устарела,
И смотрят с витражей, с «высоток» стен,
«Себя любимые», стоящие «у дела».

С экранов скачут стайки «голубых»,
Лирически настроенные шлюхи...
И гигабайты «подвигов» «крутых»
С рекламой «впаривают», умные, по слухам —
Потомки тех, которых «с нами нет»,

Вот и сегодняшняя встреча — не новинка,
Лишь необычен чуточку сюжет.
Художнику заказана картинка,
А в паре с ним затребован Поэт,
Чтоб оду написал на «высший свет»!

И это в исторических пределах,
Где бесцензурье празднует «расцвет».
Да! Это было очень-очень смело...
Среди дождя, грозы и прочих бед.

Действие второе

Утро. Квартирка Поэта. Стук в дверь.

Жена поэта:

Опять приперлись! Пашка, дверь открой!
Кого еще к нам тащит с бела света?
Как надоел мне этот, Боже ж мой,
Пук графоманов, их стихи, сонеты.

Кому? Зачем? И на хрен в этот век,
Вот эта, с позволения, «нетленка»?
Ну, хоть бы с вечера пришел как человек,
А то... «Где был?» Опять твердит: «У Генки!»
Твердит, что тот портрет с него писал,
Чтоб, дескать, на века увековечить,
Что он пред ним, как «статуй» замирал,
Чтоб выйти хоть чуть-чуть, хотя б по плечи,

А сам, похоже, снова забухал...
Уж так глаза смотрели, по-овечьи,
Похоже, ни черта не соображал,
Когда домой, чуть теплый, притащился

А вымок-то! Замерз! Едва живой!
Не «мявкал» даже. Сразу спать свалился.

Толкает спящего Пашку.

Ну, долго ждать? «Лирический герой!»

Вставай-давай! Опять к тебе приперлись.
Похоже Генка. Не тащи домой.
Вы в прошлый вечер знатненько «притерлись».

Пашка встает и открывает дверь.

© 2010

Пашка:

Геннадий! Ну, зачем в такую рань?

Тихо просит Геннадия.

Моя Мария с вечера бунтует.
Не верит в творчество.
Кричит, что я, мол, пьянь
И как вражину подлого «прессует».

Спаси меня от этой кутерьмы!
И объясни хоть ты ей, как пахали.
Спаси от мракобесия и тьмы...
Скажи ей, что в кабаке не забегали...

Жена (Пашке):

Ну, кто там?

(видит Геннадия)

А, голубчик, ты?
Что пропоешь мне, милый друг Геннадий?
Где были, пили? И без суеты
Ответствуй честно. Зашибу, как гада!

То правда ли, что мой вчера наплел?
Мол, дескать, вы с него портрет писали?
Мне кажется, приврал слегка орел,
Не в кабаке ли местном вы керяли?

Художник:

Ну, что Вы, Маша, вовсе он не врет!
Всё, что сказал — чистейшая монета!
Как можно портить так души полёт,
Воистину, Народного Поэта?

Ну, что Вы, Маша! Я бы Вам сказал,
Как любит наш народ его творенья:

Вот тут Баблевич Пашке заказал
Стихи... Не просто... А на День Рождения.

Меня ж картину просит написать.
И чтобы обязательно, с багетом.
Аванс просил он Павлу передать
За оду, с героическом сюжетом.

А Вы... «Керяли!», «Где Вас черт носил!?»
А мы, не покладая рук творили.
А после — дождь и ветер с ног косил,
Пока брели, теряя жизни силы.

Эх Вы, Мария! Я не ожидал!
Ваш Муж — Талантище! Сокровище России!
Так трудно нынче. Где уж тут, «бухал»...
Прошли те дни, денёчки золотые.

Маша:

Ох, складно врешь! Да ладно, прощены.
А потому, прошу. Пожал-те к чаю.
Насчёт портрета. Чтоб на пол-стены.
А про аванс... Поди-ка, сочиняешь?

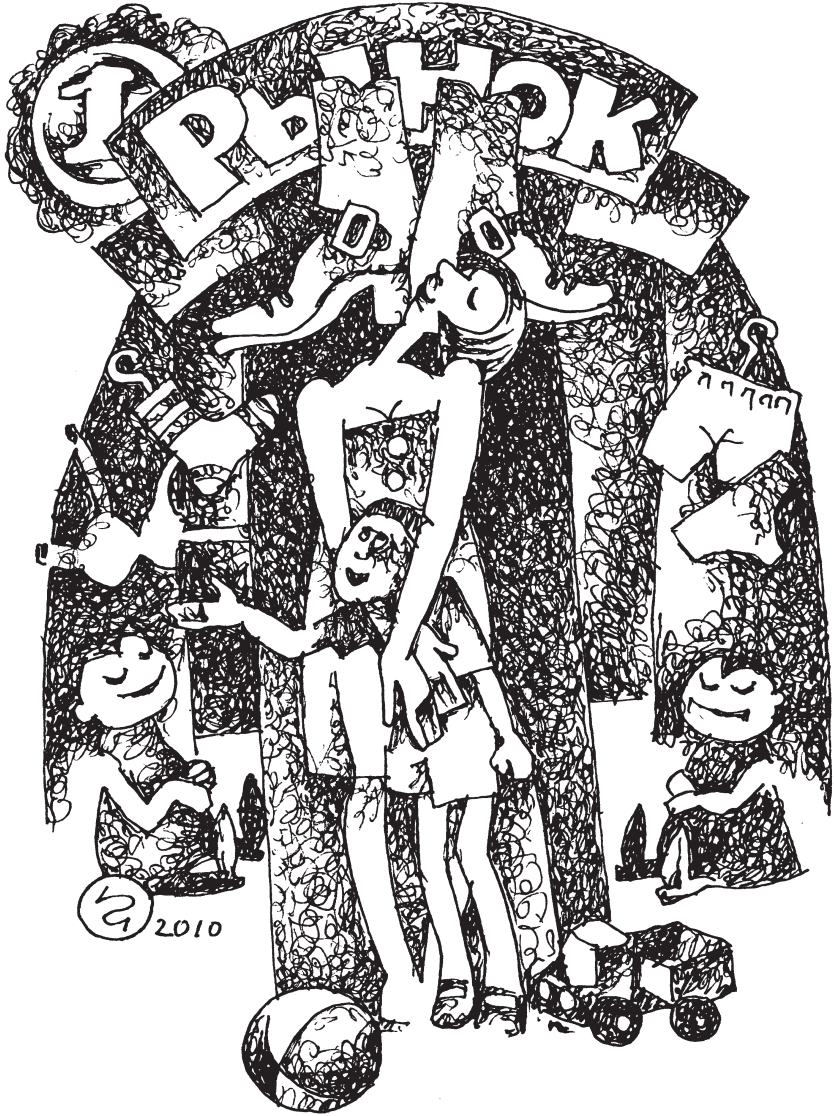
Художник:

Ну что Вы, Маша! Павел, на, держи!
Пьем быстро чай и тут же исчезаем.
Визитка вот. Ты ею дорожи.
Иначе не пропустят. Улетаем!

Пашка быстро одевается. Они с Генкой на ходу пьют чай и уходят. Перед уходом Павел оставляет аванс на столике в комнате.

Маша:

Глазам своим не верю! Во, дела!
Уж сколько лет он душу мне мытарит.

И вот те раз! Фортуна подошла...
А думала, что Генка «мóзги парит».

Пойду скорей, мальчишек разбужу!
Проедем с ними на китайский рынок.
Их час-другой по рынку повожу.
Там купим пару каждому ботинок

И куртки тёплые, хотя и не зима,
Но, все-таки, уже совсем не лето.
Останется, так утеплюсь сама,
А то хожу — разута и раздета.

Радостно кричит.

Петруха, Митька! Быстренько! Подъем!
Сейчас в «Китай» поедем утепляться!
Уж осень — вот! А мы — рваньё-рваньём!
Пришла пора! Пора приборазаться!

По курткам и ботинкам как рванём!
Пока цена не начала кусаться.
Сейчас по чаю дёрнем И пойдём.
Кровать заправить! Быстро умываться!

Все суетятся, пьют чай и уходят. На сцене появляется автор.

Автор:

Хоть на момент, удача, будь со мной! —
Мы, не о том ли, просим у Фортуны?
— Хоть на момент, хоть летом, хоть зимой!
О том гласит и этот вопль безумный:
— Китайский рынок! Верх желаний мой!

И радостно настроенный Герой
Бредет меж бесконечными рядами

А спереди и сзади, чередой,
Бредем по рынку этому мы с вами
В цепочке, тупо, дружною толпой.

Действие третье

Картина первая

Забор у коттеджа Баблевича. Поэт и Художник стучат в ворота.

Художник:

Эй, кто-нибудь!

Выходит заспанный охранник.

Охранник:

Не рано ли, ребята?
Хозяин спит.
Велел, чтоб тишина.
Он платит мне
За тишину зарплату.
Придите позже.

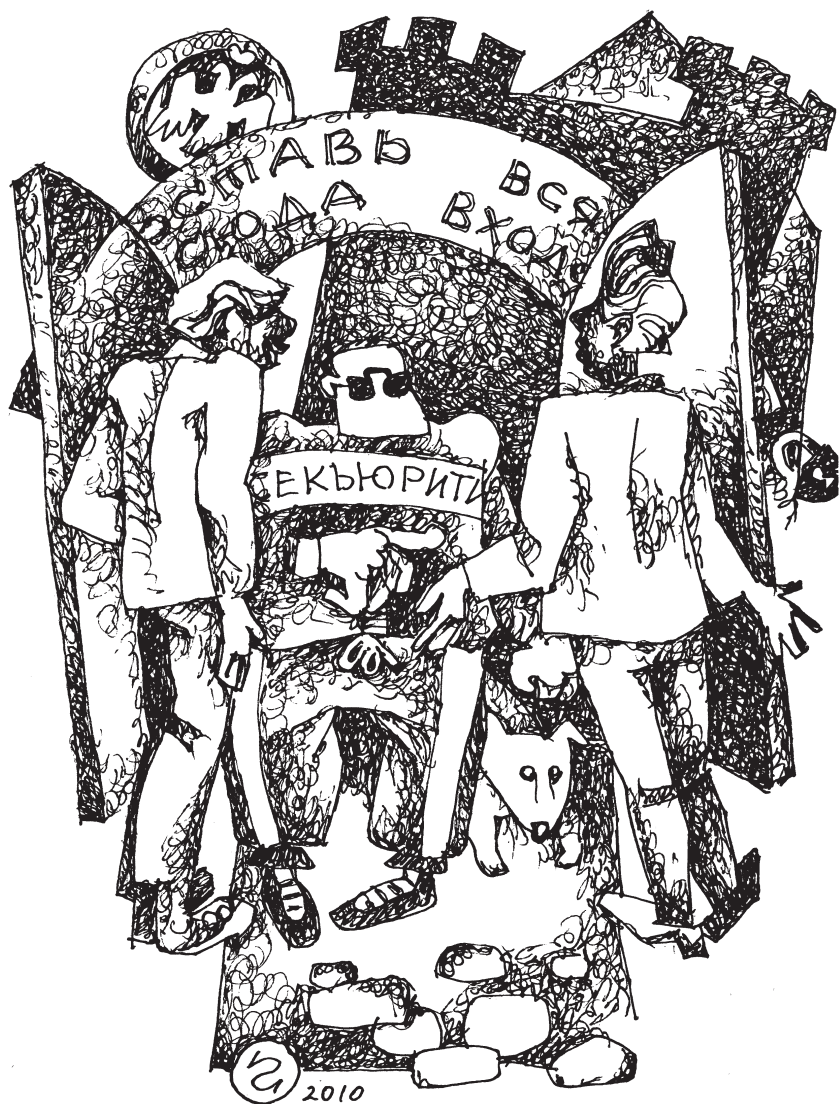
Художник:

Пашка, вот те на.

Обращается к охраннику.

Который час? Уж утро на закате!

А, между прочим, Жорка нас позвал!
— Без Вас никак! — И вот те, здрасте, нате!
Он с нами вместе в кабаке «бухал»
И нам заказ подсунул на лопате.

У Джорджа скоро будет Юбилей
И он просил с него портрет заделать,
Такой, чтоб, глядя на портрет на сей,
Все восхищались, видя его смелость!

Чтобы не стыдно было показать
Великому Рассейскому народу!
Чтоб тезка был Георгию подстать —
«Победоносец» — Жора в небосводе!

А Пашка должен Оду накатать...
За то, что до сих пор он на свободе...
Всё к юбилею! До него дней пять!
Или с неделю. Так сказал он, вроде...

А потому, вели его поднять,
А то мы подзамёрзли... На природе.

Охранник:

Ну, ладно. Погодите. Доложу.
Уж больно поздно он пришёл с попойки
А «с бодуна» он, я Вам доложу,
Устроить может всем головомойку.

Советую, по-братски, подождать,
Не гнать коней. Придите через часик.
И будет всё, поверьте мне, на ять,
Ты, «Микеланджело», и Вы, «советский классик!..»

Ну, дайте вы пивка ему принять,
Откиснуть в ванне, дербалызнуть квасу...

Чтоб он в себя с вчерашнего пришёл,
А то, с похмелья, так всегда болеет.
А как болеет, вечно, как козёл,
На каждого пришедшего звереет

И запросто вас может помести,
Такая у него, друзья, натура,

Поэтому, я вас прошу придти
«Чуток позжа...» А не переться сдуру.

Поэт:

Ну, ладно, Генка, малость подождем.
Дождя-то нет. И солнышко в ажуре.
Взошло на прикоттеджный окоём.

Хотя, на небе тучи черно-буры,
Мне кажется, нас не польет дождем,
Ведь мы же представители культуры.

Художник:

Пошли, друган, по пиву лупанем.
И тост придумал! Пьем за увертюру!

Поэт:

А что? Приличен, даже очень, брат,
Твой тост сейчас, среди российских буден.
Так понимаю... Генка, ты — Сократ!

Уходят.

Картина вторая

Коттедж Жоржа Баблевича. Из дверей коттеджа появляется заспанный Жора. Он потягивается и лениво спрашивает у Охранника.

Жора:

Привет, Митек!
Ну, что тут во дворе?
Тут двое мимо нас не пробежали?

Охранник:

Да появлялись тут художник и поэт,
Щеколдой брякали и спать Вам, сэр, мешали.
Ну, я послал их малость... Погулять,
Поскольку Вы, хозяин, приказали,
Когда пришли вчера, чтобы не принимать,
Дабы ковры без дела не топтали.

Вот и велел им позже «подплывать»,
Как Вы вчера, пришедши, мне сказали...
Да ничего, придут сейчас опять,
Ведь Вы им, вроде б, за работу «забашляли».
Тому картину с Вас на весь салон писать,
Другому — оду... Сделают едва ли...

Жора:

Ну... ладно... Прикажи... пивка подать.
И, вот ещё. Зови, чтоб не торчали.
А то ведь не успеют «наваять».

Хочу, чтоб в День мой — Ангела... Так надо.
Всем стало ясно... Я — Великоросс!
Да! И не просто там — «Совок» с большой лопатой
Или какой-нибудь Муму, а что Колосс!

Чтоб поняли, что нету конкурентам
Пощады на земле и в небесах!
Чтоб осознали враз, одномоментно,
Кто тут хозяин в нашеньких местах!

Ну, ладно, Митя, я пойду, покисну,
В бассейн залезу, кости промочу,
Не то, опять, на целый день «зависну»
Или с башкой больною проторчу.

2010

А ты, давай, гостями покомандуй.
Поставь задачу. Малость пристрожи.
Поэту — Оду. «Мазуну» — природу.
И чтобы «круто»... И посторожи...

Уходит. В это время появляются Геннадий и Пашка.

Охранник:

Вы что-то загулялись! Проходите.
Да на пороге скиньте башмаки.
И тихо там!..

(Принюхивается)

Да Вы с утра фоните!
Как Вы могли, «позорные волкí»!?

Художник:

Да это ж со вчерашнего, мой милый!
Мы с шефом обмывали договор...

Охранник:

А на хрена ж по пиву «зарядили»?

Художник:

Да то ж для опохмела, монсиньор!
Ну, как прикажешь мне творить картину,
Когда рука трясется как мотор?
У Павла тож, в мозгах, чай, мешанина.
В башке без пива — тундра и разор.

А оду написать, чтоб все упали,
Подумай, с бодуница-то, никак.
Чтоб шефа за великого признали,
Тут нужен чувств огромный кулак,
А не простая, извините, фига.

Тут мысль нужна!
«На тыщи»!
Вот ведь как!

Охранник:

Ну, ладно, ладно. Быстро проходите,
Пока собаку в будке я зажал,
Да лапы на пороге-то протрите.
И за работу. Чтобы я видал.

Наши герои проходят в дом.

Картина третья

В зале художник и поэт. Художник рисует. Поэт периодически поднимает голову к небу и то строчит, то рвет и комкает листы с написанным, то ходит туда сюда по залу.

Художник:

Ты, Пашка, задолбал! Не мельтеши!
И не пестри то тут, то там. Мешаешь.
Заколебал! Бумагою шуршишь
И под руку толкаешь и толкаешь.

Поэт:

Ну, не идет идея! Не идет!
И где мне взять её? Не понимаю!
Зачем ввязался? Вот же идиот!
Всё! К чёрту! К чёрту! Деньги возвращаю!

Художник:

Расслабься, Пашка. Это всё пустяк.
Идеи нет? Сейчас её добудем.
Возьми, башкою врежься о косяк
И искра вспыхнет, разогреет студень
Твоих мозгов с утра таких тупых,
Что впору удавиться «для комфорта»,

Чем в муках жить, причём, еще каких...
А, может, долбануть тебя офортом?

Поэт:

Тебе всё хаханьки. Всё ржешь, как жеребец!
А у меня час смерти подступает!
Домой нельзя! Сейчас уйти — конец!
И так Мария чуть едва впускает.
Ты, Генка, уж дракона наваял,
Копье с Георгием, леса, орла... Летает...
А у меня? Завал! Завал! Завал!

Художник:

Так пасквиль напиши! Всего! Не боле!
Ну... Напиши одический Пасквиль,
А после «от обратного». Как в школе.
Пиши, как есть. Держи и ритм, и стиль.
Потом переиначь... И ты на воле.

Поэт:

Стихи, ты знаешь, Гена, в небесах
Рождаются и там же умирают.
А ты — Пасквиль! А сам — на Полотна́х —
Такое часто ты изображаешь?

Художник:

Да каждый раз! Иначе не успеть!
Из курицы — орла я «созидаю»,
Из кошки — увеличишь, и медведь,
Из черта получается, сам знаешь,
Дракона — из ужа, хвостатый ведь.

Шипы, крыла и пламя «изрыгаю»
Двумя мазками, чтобы не корпеть,
Листву — «бабло» я чуть обозначаю.
Пишу лишь взор... Вот с ним я порешаю...
Багет — проблема тоже... Не реветь!

Поэт:

Шутник!.. Однако... Счастья... попытаю.
Хоть пасквиль-то сумею навертеть.

Садится и быстро строчит. Через несколько минут радостно подпрыгивает и орет.

Ура! Геннадий! Что-то получилось!
Ну, ты и Гений! Получилось ведь!
Как будто бы видение свалилось!
И, ну, мне диктовать! И, ну, галдеть!
Теперь я понимаю, чакры вскрылись!
И принимают космоса накал,
Такие грани Жорки мне явились!..
А я уж думал, всё! Труба! Провал!

Художник:

Что накатал? Яви-ка, Пашка, миру!
Чтобы в подстрочнике бы смог я оценить
Величие одической сатиры,
Которая стреляет, как мортира,
Чтоб после выстрела навеки уморить.

Поэт:

Да это так, пока что заготовка,
Пародия на Оду, так сказать.
И, надобно сказать тебе, неловко
В стенах хозяев это всё читать.

Художник:

Ладно! Ну, прочти хоть строчку!
Чтоб понял я, о чем ты начеркал.

Поэт протягивает ему текст с написанным пасквилем.

Вот это да! Ух, Ёлки-палки! Точно!

Смотрит на Поэта.

Ну, ты и крут! Ну, ты, брат, и нахал!

Поэт:

Ну, ладно-ладно. Это всё, что «с неба».
Теперь спущусь и вспомню о «земном»,
И «от противного». А ты черкни там «Феба»
И «мухинцев» с серпом и молотом.

Оба принимают работу.

Поэт:

Ну, вот, готово наше сочиненье!
И коль у публики хоть мало-мальский вкус,
То Ода приведёт всех в изумленье...

Художник:

А кто прочтёт?

Поэт:

Сказать я не берусь.
Ну, может Васька... Или «окруженье»...
Да мало ли... Полна народом Русь.

Художник:

Но надо ж с выражением «провякать»,
Чтобы до самой печени дошло.
Тут нужен мастер! Чтоб умел «калякать».
Иначе «Обломается» «бабло».

Поэт:

Да, тут ты прав. Чтоб круче был сценарий,
Такую Оду должен Мастер петь,
Чтоб смог стихом связать твой «серпентарий»
И чтобы вызвал дифирамбов медь.

Художник:

Ты помнишь Лёху?

Поэт:

Но ведь он запойный!

Художник:

Тебе-то, что? Зато, каков как чтец!
Да он, мерзавец, календарь настольный
Прочтёт, все лягут! Вот какой он спец!

Поэт:

Но, Генка, вспомни, он же пишет вирши!
А вдруг взбредет ему «своё» читать?
Ведь от его стихов сдыхают мыши,
Что не успели вовремя сбежать.

В них всех и всё он матом погоняет,
Изображая футуризм, модерн!
Ну, и к тому же от него... воняет,
Как от бомжа из спиртовых цистерн.

Генка:

Ну, это мелочь. Стих прочтёт — и в шею!
Бутылку в зубы И, айда, домой!
Зато у Жоры возрастёт, я смею
Сказать, до неба, «имидж ломовой».
Поскольку этим теплым поздравленьем
Не кто-то свой, а русский наш народ,
Прославит громким «чтивом», с выраженьем,
И, в заключение, даже лобызнёт.
И это вызовет, сказать я то посмею,
Быть может, и всемирный резонанс.

Поэт:

Ну, Генка! Гений! Я «с тебя балдею»!
Давай-ка, намекнём про «конферанс».

Они подзывают Охранника.

Геннадий:

Митька, принимай работу!
Хозяин пусть подходит. Вызывай!
Вот адрес. На багет расчёты.
Пусть делают с эскиза. Получай.

Отдаёт ему эскиз.

Тут Пашка Оду написал. Вопросик.
А кто её возьмётся зачитать?

Митька мнется.

Но, есть идея. Может, Лёху спросишь?
Тот мертвого сумеет раскачать.
Тот так «зарядит»! Если горло смочишь!
Что будут все и плакать и рыдать.
Он так прочтёт «крутейше» и с напором,
Что зал мощнейший ощутит накал.
Подбрось идею шефу. Дарим хором.
Хоть Лёха пьёт, но Профессионал!
Подумай, если «дружишь с головою».
Мы разбредёмся нынче по домам.
Но остается финиш. Основное...

Митька (*ощущая свою значимость*):

Подумаю и доложу. Но, сам.

После некоторого раздумья.

Ну, ладно, парни, отправляюсь к боссу.
Скажу, что выполнили в срок его заказ.
Он выйдет к вам и даст на папиросы,
А, может, и на пиво, в этот раз.

*Исчезает. Через некоторое время появляется вместе с Жоржем.
Тот читает текст Оды и разглядывает картину.*

Жорж:

Ну, Генка! Класс!
Да я тут, как живой!
Копьё, ну так и блещет! Так и блещет!
Дракон! Закат! Пейзаж, блин, чудовой!
А под ногами конкурент трепещет!

Он будет вечером! Посмотрит, обормот!
Пускай трясется! Смотрит в ожиданье!
И Ода!

Ода!

Текст!

(Читает)

Да я — Герой!

Дай, Паша, выражу тебе своё признание!

*Обнимает Поэта и отсчитывает ему вторую часть суммы. Де-
лает тоже и с Геннадием.*

Уважил!

Гена!

Друг мой дорогой!

Весьма, весьма. И полотно красиво.
Держи! Обмойте финиш трудовой

Дает им по бутылке коньяка на брата.

И юбилей отметьте. Ну, счастливо.

Те благодарят и уходят вместе с Охранником. Охранник, проводив гостей, возвращается. Во дворе слышен лай собаки, который, впрочем, скоро затихает.

Жорж обращается к охраннику.

А ты, Димитрий, что мне доносил?

— И не успеют!

И что руки-крюки!

— Гляди, учись, что он наколбасил!

Показывает на картину.

А Ода!

Это ж пушкинские муки!

Чудесна!

И вдруг Жорж стучит себя по лбу.

Да!..

Но кто же, ё моё!

Мне прочитает вечером её?

И тут Митька решается.

Митька:

Да есть тут «чтец народный», очень классный!

Читает так! В гробу перевернёт!

С профессией не всё, конечно, ясно...

Но... заплати, и всё, как Бог, прочтёт!

Жорж:

Найди его! Скорей пусть тащит кости.

А за багетом плотника отправь!

И чтоб к пяти висело. Будут гости.

Пусть повар суетится... костоправ.

Охранник уходит. Жорж уходит тоже.

Автор:

Как быстро пронеслась декада.
Готов пейзаж. Сейчас примчат багет.
Готова «Ода», сделана «как Надо».
О ней ни слова на Парнасе нет.

А в холле сумрак. За окошком ветер.
Картины краски — баксоевроцвет.
Ещё в пейзаже — небо, ясный вечер
И звери смотрят «копыеносцу» вслед.

Художник за очередным пейзажем
Стоит и трет невымытую кисть...
Поэт с женой... Про это мы не скажем.
Но, впрочем, с ними ясно всё, кажись.

Занавес закрывается и тут же открывается.

Финальная сцена

В зале — гости. Все перепились и орут блатные песни. Леха читает оду. Хозяин ловит кайф.

Автор:

А как бы выстрелил Одический сюжет,
Когда б Поэт, напутавши с листами,
Всех в шок вогнал!
Вот был бы винегрет!
Не этого ль Вы ожидали сами,
Читая или слушая сей бред?
Однако, все спокойно «под часами».
А потому, убитых нынче нет,
Картина блещет в золочёной раме,
Одеты дети, сыт и пьян поэт,
Ну и Хозяин, как виновный самый,
«Весь в шоколаде»...
Жаль... трагизма нет.

И Лёха — из «бомжатни» — «чтец народный»,
Учтиво плещет стихотворный бред.
Читай хоть пасквиль!

Слушателей нет!

КОНЕЦ

Нет, не КОНЕЦ, а продолжение следует.

Ответный удар

Пьеса номер два

Действие первое

Юбилей Жоры в самом разгаре. Подвыпивший Матвейч, сидя за столом и глядя на картину, говорит Василию.

Матвейч:

Узри-ка, Васька! Классный, блин, пейзаж!
Баблевич на змеюке рассекает!
Вошёл, стервец, «победоносец» в раж!
Копьём-то не тебя ли протыкает?

Уж больно на тебя субъект похож.
А взгляд-то, взгляд! Гляди т ко, как сверкает!
Как молния иль как булатный нож.
Что это означает? Понимаешь?

Гляди, Василий, ты пригрел кого,
И вырастил, вскормил и возлелеял,
А Юбиляр-то наш, сегодня-то, того,
По-волчьему, тихонечко заблеял.

И как в делах теперь-то, доверять
Напарничку с таким-то вот апломбом?

Сейчас — пейзаж... А завтра — может стать,
Мой милый, Вася, ты взлетишь на бомбе.

И будет расчудеснейший финал!
Ты — в белых тапочках,
Мы — в смокингах и шляпах,
Мы — с «постной рожей»,
Ты — «плывешь в астрал»
Как пошлый недоумок и растяпа...

Далее — неразборчиво. Матвейич что-то шепчет Василию на ухо.

Автор:

Вновь хитрый авгур взялся за своё,
Хоть сто веков прошло с того момента,
Когда, сказав впервые: «То моё!»
И отобрав его у конкурента,
Верней, у друга, в прошлом, что уж тут
О ней рыдать и сыпать в душу пепел,
О дружбе, той, что пошлостью убьют
Одною фразой, пьяной и нелепой.

Один хотел другого подразнить,
Чуть-чуть по самолюбию проехать,
А третий их решил разъединить,
Чтоб стало им обоим не до смеха
И бросить друг на друга, как врагов,
Поссорить и отправить на потеху,
Чтоб наломали, и побольше, дров,
А после всыпать им обоим на орехи.

Но в данный миг пока чудесен бал,
Вино в бокалах, водка, осетрина,
Да я бы натюрморт стола писал,
Но Генка не позволит, образина.
Он любит территорию делить
И на своей мне всыпать может мигом,

Поэтому придётся поостыть
И просто есть балык и лососину.

Но, всё ж, не ясно, чем грозит сюжет...
Как, змей, подполз! Настроил гильотину!
Неужто, будет, как сто сотен лет
Тому назад, такая же картина,
Когда друзья столкнулись, как враги,
И в схватке третий одержал победу.
Ну, да не будем к этим двум строги,
И будем продолжать себе обедать.

Васька (*обращается к Жоре*):

Георгий Палыч!

Просвети-ка нас.

То бишь, меня,

Что это означает?

На кой тут здесь повешена «мазня»?

И кто, скажи, в меня копьё втыкает?

Похоже, что ты, Жорочка, забыл,

Кто из тебя заделал коммерсанта,

Всему бесплатно и любя учил

И наделял мозгами и Талантом!?

Так я напомним. Прямо при гостях,

Как ты мне, тут вот, в преданности клялся!

Тогда и лапы не были в перстнях

И цепь на шее не была в три пальца.

Что, Жора? Ты теперь, как Бог?

Ну, дай-то, чтобы повезло Вам в этом,

Мой дорогой любимый «носорог».

Ты ж был мне друг! Единственный на свете.

Войны желаешь? Будет Вам война.

Предупреждаю, крови будет много.

Баблом махаешь? Видно, до хрена
Щипнул «на ниве», козелок безрогий!

И осень, вижу, чудно описал,
Как бы закат, похоже, всех трудов. Вот так вот.
И правильно на зиму намекал.
Ведь по зиме, под снег твой бизнес «крякнет».

Жора:

Ты чё, Василий?! Ополоумёл?
Да я тебя за эти речи врую!
Надрался, что ли? Так-то осмелел!
А может, переел ты профитролей?

Тебя я вовсе не имел в виду!
То персонаж, такой вот, обобщённый!
Ты ж на картине есть! Сейчас найду.
Ну, вот, медведь, к примеру, разъярённый!

Хошь? Будь орлом! Не хочешь — тигром будь!
Да будь хоть этим, как его, драконом!
С хвостом, с шипами! Осветишь мне путь,
Увитый лаврами и в тучах прочерчённый!..

Васька:

А ты б на шее у меня сидел?!
И был король, Наполеон Бурбошка!?
Да твой «орёл» от курицы пошёл,
«Медведь» — от Бобика,
А «тигр» — от драной кошки! —
И копии точнейшие, притом,
Твоих — несушки и кота со псом.

Жора:

Ну, что, Васек? Заел тебя пейзаж?
Завидуешь? Завидуешь, похоже.

2010

Ишь, распалился! Раскраснелся даж,
Могу со всем почтеньем подытожить.
Ишь, как орешь! Задор какой и раж!
Слабо картину написать, похоже?

Васька:

Что? Мне слабó? Нашкрябать сей сюжет?
И написать трагическую правду?
Да если б были мы с тобою тет а тет,
То я б тебе мозги-то быстро вправил.

Но тут народ. Не будем затевать
«Разбор полётов» Ваш под небесами.
А то нас могут в чем-то не понять
И «заметут» с картиной и с гостями.

Что до картины. Жди в мой дар — багет.
И стих к нему, под стиль Александрийский.
Всё про тебя! Чтоб жил он тыщу лет!
Всё про тебя! Петух! Стручок Галлийский!

Встает и уходит.

Жора:

Вот это да! Вот это, блин, скандал!
И это что же, Друг? Коль, в день рожденья
Такую «гулю» в душу мне вкатал!
Ну, ладно, завтра выпросит прощенье.
Однако же, скажи, каков нахал.

Матвейч:

Да, ладно, Жорка! Ты уж забодал.
Давай-ка, лучше, в день передосенний
Мы вспомним тех, кто нас таких создал.
Тост за родителей! Он лучший, без сомненья!

Ведь если б не было родителей у нас,
То не было б ни Оды, ни картины,

Никто б из нас «бабло» б своё не пас,
А был бы только Васька и... грузины.

Все дружно вытили.

А ну-ка, Лёха, прочитай для масс,
Тихонечко, с лирическим подвывом,
Про мать, избушку, словом, выдай класс,
Чтоб сердце по грудине забродило.

Лёха читает. Все грустят.

Матвейч:

Граждане, кумпанцы!
А теперя, танцы!
Кто не скачет, не поёт,
У того доход не прёт!
У того дела плохи,
Как у Лёхиной блохи!
Лёха, улыбайся!
Танец, начинайся!

Все начинают танцевать. Жора сидит за столом и бурчит.

Жора:

Ну, Васька! А ведь был, как брат!
Ну, надо же! Чуть не порвал картину!
Ишь, распалился! Ишь ты, ренегат!..
И обозвал, мол, я петух!.. Скотина!

Матвейч:

Да брось ты, Жора! Не переживай!
И у меня была такая ж дружба.
И где она? Давай-ка, наливай.
Поднимем тост, за то и что нам нужно.

Жора:

«За то и что?»

Придумал сам, нечай?

Матвейч, брат! Гост свежий, неизвестный...

В твоём «котле», Есть кое-что...

Банзай!

И сказано и кратко, и чудесно.

Матвейч:

Ну, это ты, конечно, сказанул.

Я ж от души, а ты меня в таланты.

Вот, Лёха, да! Какой души разгул!

Как душу рвёт! Есть на Руси Гиганты!

Жора:

Согласен! Ловко ты про Русь загнул.

И про таланты, и про цель, «что главное...»

А Васька где? Вон! Я его проткнул!

Лежит, трепещет, клоун своенравный.

Давай за дружбу.

Матвейч (*наливая водки себе и Жоре*):

Очень рад! Давай!

Пусть конкуренты тихо угасают,

А мы с тобою двинем в светлый рай...

Жора дружески толкает Матвейча в плечо.

Матвейч:

Спокойно, аккуратно!

Наливаю!

Они пьют на брудершафт, и тут Жору утаскивает на танец Лорочка — гостя вечеринки.

Лора:

Георгий Палыч! С днем «варенья» Вас!

Позвольте к вам прижаться! Приглашаю!

Как здесь кайфово! Всё в берлоге — класс!..
Ну, а музон — балдеж! Я отпадаю!

Жора:

Ну, что Вы, Лорочка! К чему официоз?
Расслабьтесь! Ведь для Вас я просто Жора.
Вы так прелестны, ручки, прядь волос...
Жаль, мы здесь не одни... В такую пору.

Лора:

А кто мешает нас уединить?..
Еще немного, и «братву» отправим,
И сможем славно мы поговорить,
И льдины недоверия расплавим.

Жора:

А знаешь, Лора, в этом что-то есть!
А то совсем заела бытовуха.
Растопим и утонем прямо здесь.

Наклоняется и что-то шепчет ей на ушко

До скорого свидания... Подруга.

*И тут танец заканчивается. Более за вечер ничего интересного
не было.*

Занавес закрывается.

Автор:

Уж то-то распотешился сатир!
Хвостатый и рогатый, как инспектор.
Смешлив и мудр, как старый добрый мир,
В любви спец, во всех её аспектах.

А авгур! Этот обозначил цель.
Как поразил он родственные души
И дружбы потащил корабль на мель
В день Ангела, рожденья, самый лучший.

Уж то-то «распотешит» он народ.
Раздует распри уголёк коварно;
Он одному немного напоёт,
Затем другому вякнет солидарно.

А после будет «сыпать» тем и тем
И пожинать плоды на поле боя —
Невидимый творец гнуснейших схем,
Наивно представляемых судьбою

Ну а затем, когда пройдет угар,
И заживут вражды друзей нарывы,
Их пожалеет — «чуткий» «суперстар»,
С обоих «поимевший» и счастливый.

Действие второе

*Тот же кабачок. За тем же столиком у окна сидят и беседуют
Поэт и Художник.*

Поэт:

Живут же люди! Мне бы так вот жить.
Сиди, пиши «творенья для народа»,
Ведь сколько можно было бы родить.

К примеру, скажем, о родной природе
Или о Море, что-то сочинить,
Иль об искусстве или о заводе.

Скажи, Геннадий, ну зачем строчить
Мне по заказу, если я, так вроде
Мог на Пегасе б на своём парить,

Но нет, сижу вот в этом кабаке,
Заламываю от унынья руки,
Ну, как родиться в кабаке строке?

Художник:

Пашка, помню, дней назад
Тому с десяток, видимо, не боле,
Ты ныл вот так же, на такой же лад,
Придурок, порожденец меланхолий.

И что потом? Планида в миг один
К нам обернулась чуть другою гранью.
Всё изменилось. Я — творец картин,
А ты — творец-писатель по призванью.

С тобою вместе мы пробьёмся в Свет!
Нас будут чтить и издавать, и вешать...
И не в сортире, на стене, в багет,
Читать на сон стихи в ночи кромешной.

Всё это будет! Погоди чуток!
Ведь ласточка уж первая пропела.
Забыл, какой нам отвалил кусок
Георгий Палыч? Дождидайся смело,

Что в этот миг появится другой,
Такой же возжелатель и ценитель...

Видит направляющегося к их столику подвыпившего Ваську.

Да вот и он, Друг милый, дорогой!
Сейчас, гляди, попросит: «Помогите!»

Поэт:

Да ну, ты всё, Геннадий, врёшь,
Иль, как обычно, просто привираешь,
Мне кажется, что ты не то поёшь
И сам про то, конечно, братец, знаешь.

В это время в кабачок вваливается подвыпивший Васька. Он видит одиноко сидящих Поэта и Художника и направляется к ним.

Васька:

Что, щелкопер, и ты, мазила? Пьём?
Нарисовали Оду? Наваляли?
А ну, официант, «пузырь с бухлом»
Тащи сюда, чтоб мы чуток «догнали».

Геннадий:

Ты чё, Василий, Палыч, дорогой,
На нас наехал? Чем не угодили?
Ведь мы ж по половице по одной
Тебе навстречу, вроде б, не ходили?

Васька:

А кто пейзаж с драконом малевал?
С копьём и с Жорой? Тож, нашли мне мэтра!
А кто в меня копьё на нём втыкал?
Кровищи на картине на три метра!

Геннадий:

Да ты причём, Василий? Это ж так!
Ну, вышел персонаж слегка похожим.

Про себя.

Дал фото Жора, ну, и четвертак
«Зелёных» за твою, блин, рожу.

Обращается к Ваське.

Василий Палыч! Ты нам как родной!
Кормилец и поилец! Жорка тоже.
А мы-то с Пашкой: он — поэт блажной,
А я — художник с продублённой кожей.

Ну, крутимся! Нам это не вновь...
Задумайся! Творим для пропитанья!
Хошь пасквиль, хочешь оду, хочешь две?

А хошь — картину! Пусть не для признанья,
А чтобы выжить в наш чудесный век!
Не христарадничать же? Коли есть призванье?

Василий (*Пьяно*):

Чего? Чего, Генаха, ты сказал?
Что? Да неужто даже пасквиль сможешь?

Генка:

Не я, а Пашка! Он — професьюна́л!
На бабки с Леры он семью содержит.

И я тебе картину б наваял.
За гонорар такое в масле врежу!
Чтоб супротивник плакал и рыдал
И чувствовал, что он последний нежить.

Василий:

Ну, а на Жорку сможет накатать?
И чтоб покруче, с перчиком и солью?
Чтоб знал, как «дядю Васю» доставать,
И сыпать в дни рожденья эпистолю.

Генка:

Замётано. Так... будешь ты у нас
Семнадцатым... Вернее нет... Двадцатым.
Расписан график. Каждый миг и час.
Поэмы заказали нам... Магнаты.

Василий:

Уважьте, братцы! Скоростной тариф!
Я оплачу! Проблема!? Порешаю!
Но надобно б иметь пораньше стих,
Чем те поэмы... Ген, ты ж понимаешь?

Генка:

Ну, ясно дело. Как же не понять.
Тариф удвой! И мы — со всей душою.
Ну, и задаток можно б отсчитать.
По завершенью — просьба — остальное.

Василий:

Естественно. Но мне нужна, ранком,
Картина Неизвестного «мазилы»
С названием «Геракл с башмаком»,
Геракл — на ней мифический. Верзила.

Он над бегущим тараканом ввысь
Простерся, на меня лицом похожий,
А таракан — на Жорика, кажись,
Тот — в ужасе, как в миг последний... Рожа.

В руке Геракла — мощная туфля.
Он ею пригвоздит сейчас поганца
А в небе — ярко-красная заря,
И мечутся вдали протуберанцы.

И грязная кирпичная стена,
Чтоб осознал немыслимость спасенья,
Что этот миг — судьбы его финал.
Что рок его настигнет чрез мгновенье.

Генка:

Вот это да! Никак не ожидал
В тебе, Василий, эту жажду мщенья!
Однако ж ты — хозяин, я — вассал.
Ты бабки платишь. Мы к тебе с почтеньем...

А может быть, ты, малость, перебрал?
Проспишься, может, и изменишь мнение?
А то Ваш спор нас с Пашкой уж достал.

Василий:

Да это так... Шугнуть хочу поганца,
И кое-что мне надо прояснить.
Тут кто-то в «дело» наше лезет, и «душманца»
На свет из тени надо б проявить.

Но — это, тсс... лишь к слову я сказал.
И Вы не слышали, а я Вам то не молвил.
Ясна ли суть? Вопросы? Нет? Отвал!
Поэтому заказик мой исполним
К утру. А я посплю. Аврал!
Да, вот, держите!

Отдаёт задатки и зовёт официанта.

Эй, приятель! Чаю!
И поднеси, дружок, ещё чего-нибудь.
А то внутри от «суши» полыхает
И не даёт «пожар души» уснуть.

Все пьют и уходят, таща на себе Василия Палыча.

Действие третье

Генка и Пашка сидят и творят на кухне. Васька спит на диване в комнате и храпит.

Пашка:

Ну, Генка, чувствую я шкурою скандал,
Такое Жора спустит нам едва ли,
И нафига Ваську добро ты дал?

Генка:

Не бойся, кореш! И не так бывало.
Однако же, Господь всегда прощал.

И нынче не допустит Он провала,
Да и задаток ты уже, брат, взял...

Так что, давай, не мучаясь лукаво,
Возьми свой пасквиль и перепиши,
И забирай вторую долю «славы»,
Сходи «во храм» и больше не грехи.

Пашка:

Ну, так и быть! Я свой «шедевр» запомнил.
На душу лег, уж больно точен слог.
Не то, что ода, велика и «стрёмна»,
Где в каждой строчке только лишь подлог.

Берет лист и пишет.

Ну, вот, готово!
Что, приятель, скажешь?
Или опять, как в прошлый раз, провал?

Генка читает и хмыкает.

Генка:

Всё — слово в слово!
Лучше не покажешь, чем ты в своих строках!
Везде душа!

Ты, Пашка, Гений! Классно всё, «сурово» —
Стиль Пушкина, Баркова и Ерша!
И стержень есть! И есть первооснова!
А мне казалось раньше, ни шиша.

Ты опусом своим меня сподвигнул!
И я такой сюжетище рожу!
Геракл заказан! Я создам интригу!
Герою — Оду в руку я вложу!
В другой руке — ботинок огромный!..
И образ Жоры малость «освежу».

Быстро и увлечённо рисует.

Ну, вот. Готово. Подписи не ставлю
Под текстом и картиной никакой.
Базилио-Геракла в раму вплавлю
И Жору с тараканьей душой.

Удивлённо.

Ведь надо же! Для Жорки я старался,
Корпел, пыхтел, а толку было чуть,
А тут, попёрло, как с цепи сорвался,
Скажи, как угораздило загнуть!

Глазам своим не верю! Как живое,
В натуре, предо мною полотно,
Эй, Палыч! Хватит спать! Готовься к бою!
Закончен бал! Пора крутить кино!

Василий Палыч спросонья глядит на картину, достаёт из карманов деньги, бросает их на столик рядом с диваном, затем неопределённо машет творцам рукой и засыпает.

Автор:

Да, разгорается из искры дури пламя!
И двое уж сидят вблизи костра,
Талантом наделённые, умами,
Ещё не помышлявшие вчера,
Что мир сойдет с оси привычной самой.
Да, Жизнь у нас, воистину, Игра.

А где же авгур? Он на пьедестале.
Чуть хитро улыбнулся и застыл.
Но обнаружить сможете? Едва ли,
Чтобы воздать за то, что сотворил.

Хочу сказать, друзья, Вам, для науки,
Раздор в семье, он хуже всяких пут,
Пока друг другу Вы ломали руки,
Как вот уж Вас, повязанных, ведут...

Но, впрочем, взглянем, как случится тут?

Действие четвёртое

Следующий день. Обеденное время. Коттедж Жоры. Посыльный с картиной стучит в дверь. Высовывается заспанный охранник.

Посыльный:

Хозяина зови сюда, скорей.
И паспорт пусть захватит «для порядку».
Ему посылка от «больших людей»,
А в ней — пейзаж, похоже, в разнарядку.

Охранник исчезает. Появляется Жора. Он расписывается в квитанции и забирает посылку. Посыльный уходит. Жора тащит посылку в дом.

Жора:

А ну-ка, ну-ка, погляжу слегка,
Что мне с утра из мэрии припёрли?
Ведь в магазине — смертная тоска —
Одни дрова и тюры-натюрморли...

Однако это, что ещё за хрень?
Васёк?! Ботинок? Стенка!?. Вот подонок!

Читает пасквиль на полотне картины.

А это что? К картине бюллетень?
И кто ж ему писал сие спросонок?

Неужто сам? Да нет, хороший стиль.
Убью за издевательства поганца!
А что до текста... Кто ж писать просил?
Про наши шуры-муры, танцы-манцы?

Пинает корзинку с неубранным мусором. Из неё вываливается ворох бумажек, испорченных Пашкой накануне Дня Рождения. Жора разворачивает одну из них и натывается на Пашкин пасквиль.

Так это Пашка?! Сволочи! Убью!

Вбегают охранник.

Найти! Достать! Из под земли! Иуду!
И Генку! Генку, тоже! Мать твою!
Разбор полётов! Суд вершить я буду!

Охранник исчезает. Жора мечется по комнате и натывается на наброски Генки.

И этот тоже!.. Из кота вял!..
Из курицы!.. Из чёрта!?!.. Вот паскуда!
А мне вчера, по-тихому, втирал,
Что писано с природы, взял с этюда!

В это время охранник втаскивает Генку с Пашкой.

Охранник:

Вот! Как велели, приволок, Георгий Палыч,
Вот этот — писарь. Этот вот — мазло.
Они слегка брыкаться попытались.
Пришлось слегка им «зарядить в табло».

Автор:

Пришла расплата, как всегда, неожиданно,
Не глядя на российский наш авось.
Посеяли ветрило два Ивана.
Жаль, бурю пожинать им всё ж пришлось.

Жора:

Да вижу, вижу! Ну, собаки! Кайтесь!
Кто первый? Кто второй? Кто заказал?
Во время выступлений постарайтесь!
Иначе вновь нарвётесь на скандал.

Пашка:

Прости нас, батя! Это всё Василий!
Мы ж думали, по дружбе, а не так.
Вчера, притом, его переспросили,
Когда с заказом он забрёл в кабак.

Генка:

Как может он? — Ему мы говорили,
Про дружбу Вашу с детства и т. д.
Но бесполезно. Но не помирили.
И вот за то, похоже, быть беде.

Жора:

А вы как думали! Паршивые поганцы!
Закончили? Ну, а теперь — скандал!
Кто этот пасквиль написал? Молчим? Засранцы!
Кто вам за это, чушки, «забашлял»!?

Поворачивается к Генке.

А ты, дружок, с кого скатал медведя?
С кота соседского, а может, с моего!?
Орла — с какого петуха!? Поведай!
А с чёрта, не меня ли самого!?

Генка:

И что!? И что!? Ну, как без прототипу!?
И так-то, гнали! Времени ж в обрез!
А на картине, глянь! Сюжетов кипа!
А взгляд горящий — получился б без!?

А с пасквилом такая заморочка.
У Пашки, ну, не пёрло в этот день!
Заклинила «ответственность»! До точки!
Башкой о стол долбился, словно в пень!

Ну, я и посоветовал, как в школе,
Мол, напиши «товарищеский шарж».
А после, «от противного», всего лишь!
И оду, без сомнения, создашь.

И получилось! Творческие муки
Поэта нашего сгоняли на Парнас...

Жора:

Так это ты придумал эти штуки?
Ты, брат, прохвост! Да я тебя сейчас!..

В это время в комнату вваливается Васька.

Васька:

Ну, как пейзажик!? Как тебе стихи!?
Я тут тебе багетик притаранил!
Какие рифмы! Каковы штрихи!
Сюжет каков! Геракл над Тараканом!

А стенка, стенка! А каков башмак!
А взгляд, а взгляд! А как испуг на роже?
И образы похожи! Это знак!
Что мой Герой Вас прибабахать может!

Тут вот Матвеич нынче забегал!
Всё намекал о нашем разделе
И дружбу деловую предлагал.
Я думал, что мужик сей в деле?

Проверил. Нет! Чего ж он выступал?

Жора:

И у меня товарищ на прицеле.
Туманно как-то, тихо подплывал,
Прощупывал чуть слышно, еле-еле.

Всё говорил и так за нас страдал,
Что стало мне нас жалко. В самом деле.
А, может быть, он просто клин вбивал?

Ну, коли так, то это очень смело...

Василий в ответ молчит.

Ну, ладно... Я с пейзажем... Перебрал.
Прости, за шутку, И не будь «Отелло»

Обращается к Пашке и Геннадью.

А Вам, друзья, я б рекомендовал
Писать финал с названием
«Влетелло».

Обращается к Василию. Кивает на Пашку и Генку.

Ну как, прохвосты!?

Обращается к Пашке и Генке.

Вам подай скандал,
Вы на коня Фортуны,
Тут же, мигом!
Один вскочил, другого поддержал,
«Бабло состриг», а мы остались с фигой?

Ну, да Господь
Талантам всё прощал.

12
2010

Смотрит на Василия. Тот улыбается.

Простим и мы Вот этим двум «барыгам»...

Василий:

Но, в целом, мы должны с тобой признать,
Что виртуозы — оба эти Кенты...
А что, Георгий, может заказать
Им пару наших «светлых монументов»?
Геннадий, чувствую, нас может наваять,
Назло коварному, как авгур, претенденту.

Жора:

А Пашка станет летопись писать,
О наших трудовых «экспериментах»...

Обращается к Пашке.

Готов ли ты Стихи про нас слагать?

*Пашка согласно кивает головой. Наступает всеобщий хэппи-энд,
достойный финала.*

Занавес закрывается.

Финал

Автор:

Поэт пристроен. Кончилась пальба.
Для дружбы старой не трудны удары.
Хоть иногда разводит нас судьба,
Но не страшны друзьям её кошмары.

И вот сейчас великий хэппи-энд,
Все счастливы — художник и сатирик,
И я, чтобы увековечить «брэнд»,
На титул накатаю панегирик.

Хоть в панегириках поэт — великий спец,
Ему я это дело не доверю,
Ну а теперь пора сказать: «КОНЕЦ»...
Насколько полный?

Я потом проверю.

КОНЕЦ

Серж А.

Самый лучший день на свете. Ответный удар

Пьесы

Иллюстрации *Г. М. Кодатко*

Верстка *В. Б. Феркель*

Подписано в печать 18.06.10 г. Гарнитура Петербург.

Бумага офсетная. Формат 84×108/32.

Объем 3,36 усл.-печ. л.

Тираж 300 экз.

Заказ № 75.

Отпечатано в типографии ООО «Тираж Сервис»

454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 179.